

Йемо поднялся из потока души, большой и яркий, все еще в ритме музыки, и подошел к источнику звука. И стал ждать. Живой, пульсирующий в унисон со многими другими, следующими за ним, и терпеливый.

Я действительно должен прекратить проецировать разум на одноклеточную жизнь. Но я ничего не мог с этим поделать! Вот они действуют в одиночку, вот нет, вот они ведут себя как улей, вот они едят молнии, смотрите, как они танцуют и ищут малейший признак своего создателя, где бы они его ни нашли, о бритва Оккама, куда же ты пропала? Почему ты покинул меня?

Я снова постучал. Они подплывали все ближе, Йемо вел их за собой, их танец становился все более замысловатым, каким-то образом не нарушая рифмы песни грома. Они полностью синхронизировались с моим сердцебиением.

Анам - ирландское слово, означающее "душа".

Наконец, поддавшись порыву, я прижала кончик пальца к стеклу и оставила его там.

"Я нарекаю тебя Анами".

Йемо мгновенно оказался рядом, детская клеточка отделилась от него и запульсировала в моей коже, торопясь вернуться к своему родителю. Покалывало. Потом стало еще сильнее, когда Йемо разделился снова, потом еще и еще, детские клетки сходились все больше и больше, пока я не увидел смутное подобие кончика своего пальца.

Дети учатся через подражание. Неужели я снова проецирую? Или это не просто бессознательное отражение поведения тонкой материи? Минуточку...

Процесс не завершился. Разделение продолжалось. Кончик моего пальца идеально отражался в их амальгаме, а они все еще не закончили деление и рекомбинацию, что они... ох.

Передо мной была голубая, светящаяся, идеальная копия кончика моего пальца, вплоть до мельчайших деталей отпечатка. "Это потрясающе".

Я позволил себе невозможную мысль, что их мерцание было вызвано моей похвалой. Услышав мой голос. Ведь то, как они общались с помощью вибрации, не так уж сильно отличалось от слуха, не так ли? Иначе они не смогли бы танцевать. В том смысле, в каком это понятие используется.

Медленно я прижал к стеклу остаток пальца, потом еще и еще, пока на него не легла вся ладонь. Маленькие клетки рождали еще более маленькие клетки, которые выстраивались в цепочку, пока не стали почти идеально имитировать болты Теслы, проникая и выходя из среды через стекло, покалывая мою кожу. Я наклонился вперед так близко, как только мог, чтобы

увидеть свои глаза, отраженные в стекле. Видеть, как они отражаются в отражении моих глаз, как они живут, пульсируют и соединяются в единую синхронность крошечных индивидуальностей.

И вот оно, наконец, свершилось. Они были там, сформированные в идеальное зеркало моей руки. Мое сердце словно разорвалось. "... Хорошая работа". Я... По моим щекам текли гордые, счастливые слезы. Готов поклясться, я чувствовал, как мои слова и чувства вибрируют в моей руке, в стекле и до самого сердца моих маленьких творений и их прихожан. "Я горжусь тобой".

Что-то произошло. Что-то удивительное. Волна света прокатилась по поверхности сияющего зеркального подобию моей руки. Я уже едва различал эти маленькие вещи.

Затем, без предупреждения, рука пробила стекло, как будто ее там и не было, и вошла прямо в мою.

"Трахни меня!"

С хриплым криком я отшатнулся в сторону, рефлекс отбросил меня от стекла, но не настолько, чтобы спасти от неприятного падения. Я сильно ударился боком, но едва обратил внимание на вспышку боли. Моя рука ожила от чувств, старых, неожиданных, совершенно странных и неизвестных. Кожу, плоть, нервы покалывало все сильнее, словно я включил руку в розетку, но было странно приятно, и сердце не кричало, словно собираясь сдать, от учащенного сердцебиения. В то же время, но отдельно, я чувствовал себя как в тот раз, когда я целый час держал руки на генераторе Ван де Граафа, просто чтобы заполнить их статическим электричеством и посмотреть, что получится. Но ощущения были локализованы ниже запястья, и то, что происходило сейчас, не было тем, что происходило тогда, а потом покалывание достигло моих нервов и наложилось на нейроны.

Люди не могут чувствовать свои отдельные клетки, подумал я, затаив дыхание, глядя на свою руку, которая не пожалела времени, чтобы немедленно доказать мне обратное своей кожей, складками, сгибами и мертвыми клетками, а мой разум смотрел на потовые и жировые железы, на крошечные волоски, на их корни и дальше, все глубже и глубже, пока не увидел кровь. Люди не могут видеть свою... Покалывание достигло моего мозга, и я...

Моя рука...

Я вдруг понял все, вплоть до отдельных гематидов и лейкоцитов и сосудов, по которым они добирались до костей, мышц и нервов, с их клетками и митохондриями и каждым изгибом крошечного, бесконечного клубка нитей, который был моей ДНК несколько триллионов раз, и... и... и...

... Многое.

И я все это знал. Все. До молекулы и всего, что она содержит. И знал. Говорят, что капля ДНК

обладает способностью хранить и обрабатывать информацию, сравнимой с квантовым компьютером. Я мог поверить, что сейчас этот запутанный клубок генов, их связей и отсутствия связей, спутанных, сложенных и обернутых вокруг себя, заключенных в белок и многое другое, цитоплазму, в которой было гораздо больше, чем мне рассказывали на уроках биологии, биомолекулы, кислоты, митохондрии, мембрану клетки, а вокруг клетки, над ней и сквозь нее теперь было тонкое светящееся поле, похожее на...

Именно как.

Плазма без столкновений.

Человеческая клетка. Плазменная клетка. Идеальное перекрытие.

Паранормальное. Все странные истории, городские легенды и странные явления старого мира. Некоторые теоретики считали, что причиной всего этого являются двухслойные шары плазмы. Я сомневался в этом, как сомневаюсь в большинстве теорий, которые пытаются дать единое объяснение всему под солнцем, но...

...Неужели мои клетки только что обрели собственную душу?

Когда моя реальность наконец-то снова стала макроскопической, когда яркие воспоминания застряли в моем сознании, а знания - нет, потому что моя кратковременная память не могла выгрузить их достаточно быстро, чтобы сохранить хотя бы часть, меня посетила одна имманентная мысль, охватившая весь мой разум.

Люди застряли в режиме выживания.

Второй мыслью было чувство, похожее на слабую сеть полуавтономных биосхем, проложенных рядом с кровеносными сосудами и нервной системой, и распространившихся по руке, как полусплетенная паутина. Она была слабой, атрофированной и голодной. Чакровая система кровообращения, - вяло подумал я. Души моих клеток. Оно... питалось ими? Не думаю, что мне это нравится.

Третьей мыслью была боль.

Бока болели. И даже больше. Под грудной клеткой и в кишечнике была острая, постоянная боль. Я попытался встать: "Хгх... ннн-агх!". У меня не получилось. Боль вспыхнула, сильная и острая, нахлынула волнами. Я чувствовал ее. Я чувствовал, как она распространяется от спины вниз по кишечнику и ниже, пока не оказалась повсюду - от легких до паха.

Четвертая мысль была о том, что мне нужно в туалет.

Прямо сейчас.

Стиснув зубы, я с трудом поднялся на ноги, опираясь на стену, и поблагодарил всех своих предков, живших в подвале, за традицию всегда иметь туалет по соседству. Каким-то образом мне это удалось.

А потом нет.

Боль до этого была пустяком. В тот момент, когда я дал волю, от мочевого пузыря до самого конца разразилась ужасная агония, и я закричал.

Жжет, подумал я, глядя на пламя, сжигающее мои мысли. Как кислота.

Моя моча была...

Она была черной.

Шок был единственным, что удерживало меня в вертикальном положении, но даже он не помог, когда я подумал, что худшее позади, и увидел, что черное сменилось красным. Я мочился кровью.

Я упал на стену и проделал почти весь остальной путь, прежде чем зацепился за раковину. Стекло отлетело в сторону и разбилось на пол, разбросав мою зубную щетку и бритву.

Я... Я едва мог думать. Мне нужно в больницу.

Спотыкаясь, я вернулся в лабораторию и прошел мимо нее, задыхаясь и стоная от боли при каждом шаге, но едва добрался до двери, как колени подкосились. Каким-то образом мне все же удалось подползти и отпереть ее, потянуть на себя и открыть. Но потом я, должно быть, ненадолго потерял сознание, потому что в следующее мгновение я уже полз на четвереньках по лестнице, едва удерживая свой вес.

Почему здесь темно? тускло подумал я. Прищурившись, я увидел знакомый лунный свет, отбрасывающий слабые тени на стены в верхней части лестницы. Когда же наступила ночь?

Я дошел до предпоследней ступеньки, прежде чем мое тело отказало.

Я не справлюсь, подумал я в отчаянии. На этот раз я не справлюсь.

Я попыталась позвать на помощь, хотя знала, что нахожусь слишком далеко, даже не обращая внимания на стены между мной и ближайшим человеком, но получился лишь хриплый, беззвучный крик.

Что со мной происходит?

Надо мной на коленях стоял анбу.

О...

Высокий. Худощавый. Маска со стилизованной мордой собаки. Его руки уже на середине пути к серии печатей.

Они все-таки пришли за мной.

Что ж... это объясняло боль.

"Кучиосе но дзюцу!"

Архаичный нифон, - отрывисто подумал я. Мнемоники дзюцу на другом языке?

Белый дым. Коричневый мех. Белые клыки.

"Акино, попробуй отследить яд".

Яд?

"Понял!"

Собака-ниндзя перепрыгнула через меня и спустилась по лестнице.

"Держись, здоровяк", - Анбу поднял меня в пожарном порядке. "Было бы обидно огорчить моего младшего дважды за день".

Без лишних слов Хатаке Какаши помчал меня в больницу.

Я был несказанно рад, что мои габариты не позволили ему выпрыгнуть из окна.

В моем угасающем сознании осталась одна-единственная мысль, когда мы наконец выбрались наружу, и он как в тумане оттолкнулся от земли.

На этой собаке были солнечные очки?

<http://tl.rulate.ru/book/103120/3592424>